
Научная статья

УДК 94 (470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-27-39

**«И ПОД СЕНЬЮ ОТЦОВСКОЙ НАДЕЖНОЙ РУКИ...»:
ЗАМЕТКИ К РАННЕЙ БИОГРАФИИ БЕСЛАНОКО АСЛАНГИРЕЯ**

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2023

Аннотация. Просопография хаджретских лидеров состоит из нескольких фигур первого ряда. Среди них особое место занимает князьBeslanoko Aslangirey. Хотя выдающихся представителей хаджретского движения, как правило, объединяет общий рисунок судьбы, связанный с защитой Отечества, оставлением родных очагов, переселением на левобережье Кубани и последующим участием в черкесском Сопротивлении, жизненный путь героя настоящего очерка отмечен рядом уникальных особенностей. В первую очередь это касается раннего, почти детского возраста вступления князя на стезю, имевшую явственное социальное измерение. Это обстоятельство во многом обусловило сосредоточенность работы на ранней биографии Аслангирея. Фокусированность на периоде жизни, начинающемся с вступления героя в пору взросления, предопределила внимание, уделяемое в тексте отцу протагониста – одному из виднейших политических деятелей Кабарды рассматриваемого времени Beslanoko Aslanbeku. Анализ широкого круга источников и исторической литературы удостоверяет в наличии определяющего влияния, которое оказывал последний на жизненную траекторию сына на начальном этапе его деятельности.

Ключевые слова: XIX век, Beslanoko Aslanbek, Beslanoko Aslangirey, хаджреты, Кавказская линия, переселение, военные действия, противостояние, Кабарда, военное командование

Для цитирования: Алоев Т.Х. «И под сенью Отцовской надежной руки...»: заметки к ранней биографии Beslanoko Aslangirey // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 27–39. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-27-39

Original article

**“AND UNDER THE SHADOW OF THE FATHER’S RELIABLE HAND...”:
NOTES ON THE EARLY BIOGRAPHY OF BESLANOKO ASLANGIREY**

Timur Kh. Aloyev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© T.Kh. Aloyev, 2023

Abstract. The prosopography of the Hajri leaders consists of several figures in the first row. Among them, Prince Beslanoko Aslangirey occupies a special place. Although

outstanding representatives of the Hajret movement, as a rule, are united by a common pattern of fate associated with the defense of the Fatherland, abandonment of their homes, resettlement on the left bank of the Kuban and subsequent participation in the Circassian Resistance, the life path of the hero of this essay is marked by a number of unique features. First of all, this concerns the early, almost childhood age of the prince's entry into a path that had a clear social dimension. This circumstance largely determined the focus of the work on the early biography of Aslangirey. The focus on the period of life, beginning with the hero's entry into adulthood, predetermined the attention paid in the text to the protagonist's father, one of the most prominent political figures in Kabarda at the time in question, Beslanoko Aslanbek. An analysis of a wide range of sources and historical literature confirms the presence of a decisive influence that the latter had on the life trajectory of his son at the initial stage of his activity.

Keywords: 19th century, Beslanoko Aslanbek, Beslanoko Aslangirey, Khajrets, Caucasian line, resettlement, military operations, confrontation, Kabarda, military command

For citation: Alov T.Kh. "And under the shadow of the Father's reliable hand...": notes to the early biography of Beslanoko Aslangirey. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 27–39. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-27-39

В отличие от метафорического смысла, придаваемого автором строке, вынесенной в заголовок, здесь «отцовская надежная рука» трактуется в прямом значении. Очевидным образом к этому подвигает то обстоятельство, что в становлении исторической репутации заглавного героя настоящего текста, особенно на начальном этапе его биографии, определяющую роль сыграл его отец – князь Бесланoko Асланбек. Достоинo внимания то обстоятельство, что Бесланoko Аслангирей оказался в поле зрения царского командования, когда тот только вступил в отроческие года. И случилось это в связи с интересом, проявленным к его родителю. Впервые имя Аслангирейя появляется в «именном списке кабардинским узденям раздельно каким владельцам принадлежат» – сводном документе, составленном по итогам продолжительной агентурной работы российского командования в регионе. Составлен он в Екатеринограде и датируется 31-м декабря 1821 г. Примечательно, что на следующий день из этой локации в неподконтрольную имперским властям центральную Кабарду вступила первая (из трех) группировка российских войск в рамках кампании по (как предполагалось) военному подавлению сопротивления ведущего восточнoчеркесского княжества. В документе, подготовленном, судя по всему, по инициативе командующего Кавказской линией генерал-майора Сталя, отмечается, что патриарх черкесской политики князь Бесланoko Асланбек «имеет большое влияние на кабардинцев, возмущает их против России. Сыновья его: Едик, Пшемахо, Ельбаздуко и Аслангирей – из коих первые двое разбойничают, а последние по молодости лет еще не шалят» [Кармов 2017: 24]. Примечательно, что у российских агентов участие несовершеннолетних отпрысков княжеской фамилии в будущих «разбоях» не вызывало сомнений. И действительно наступивший год, ставший переломным в истории Большой Кабарды (ретроспективно понятно, что, и всей Черкесии) ускорил военный дебют юного отпрыска дома Бесланoko. Согласно источникам, в год массовой эвакуации кабардинцев на кубанское левобережье «Аслан-Гирейю было от роду только двенадцать лет» [Торнау 1999: 254]. Однако, несмотря на столь нежные лета он «уже дрался с русскими возле своего отца и обращал на себя внимание кабардинцев своею редкою смелостью» [Торнау 1999: 254].

Чтобы вернее судить об обстоятельствах, предопределивших преждевременное, даже с учетом социального статуса, вступление княжича на несвойственную его возрасту и полную опасностей стезю, целесообразно составить, некоторое представление о роли его семейства в разворачивавшихся в это время в стране драматических перипетиях. Как следует из вышеприведенного документа отцом будущего героя был человек, влияния которого хватало на то, чтобы возмущать жителей Большой Кабарды против России. Другие источники подтверждают, что

к этому времени Бесланко Асланбек предстает не просто влиятельной, но «первенствующей между мятежниками» [Потто 1904: 49] политической фигурой в княжестве. Принимая во внимание, что за многие десятилетия князь (которому тогда было за восемьдесят) снискал репутацию последовательного противника имперского продвижения в стране, было ожидаемо, что и в условиях масштабной эскалации российско-черкесского противостояния он, скорее всего, не изменит своему реноме. Но в отличие от предыдущих кампаний, к 1822 г. он стал наиболее заметным антироссийским политиком. Это обстоятельство выступает важнейшим фактором, обусловившим общий социальный климат, в условиях которого происходила последующая социализация молодого Аслангирея. Ввиду этого представляется необходимым пунктирно прочертить значимые события, в которых его сородичи (отец и братья) принимали самое активное участие и чьи последствия зримо отражались на его семье, а значит, непосредственно влияли на становление героя настоящего текста.

В вышеприведенном агентурном описании князь Асланбек, по-видимому, значился с начала составления документа (на что ушло, по меньшей мере, несколько месяцев). Он там и остался фигурантом первостепенной значимости. Между тем за две недели до окончательного оформления материала князь дал повод к упоминанию имперскими структурами не просто в статусе «возмутителя», но и вполне открытого врага. 15 декабря 1821 г. отряд российских войск под командованием майора Курило, атаковал «сидевшие» на Куме абазинские села. «Аулы уже пылали, когда на помощь к абазинцам прискакала сильная кабардинская конница, предводимая старым князем [Бесланко Асланбеком]. Она пыталась отрезать отряду отступление, но встреченная огнем тенгинцев, была рассеяна, и сам [Бесланко Асланбек] получил тяжелую рану», – отмечается в источнике [Потто 1904: 40]. Как указано здесь, российская сторона в бою потеряла 16 человек убитыми и ранеными. Несмотря на почтенный возраст, имперский антагонист был в седле буквально через пару месяцев и уже с марта влился в ряды Сопrotивления, координируя свои действия с Хатокшоко Таусултаном (оперировавшим в районе Беломечетки) и Хатокшоко Джамбулатом (атаковавшим окрестности Круглолесского). Князь «отправил своего сына Эдыга в Ставропольский уезд с сорока кабардинцами, и партия эта, прорвавшись до самых Маджар, в 114-ти верстах за Георгиевском», 24-го марта ударила по Прасковее [Потто 1904: 49].

«Пока все это происходило вне [центральной] Кабарды, партия самого [Бесланко Асланбека], разделившись на части, грабила и била тех кабардинцев, которые переселялись на плоскость (тем самым подчиняясь имперским требованиям – Т.А.). В немирной Кабарде открыто говорилось, что как только русския войска уйдут (о постоянном пребывании же их в кабардинских землях никто не допускал и мысли), – то с переселенцами будет поступлено, как с изменниками народному делу» [Потто 1904: 50]. Очевидно, что прерогатива формулировки подобных установок имела лишь у лидеров Сопrotивления. Будучи сыном одного из них, можно сказать *primus inter pares* их «синклита» Аслангирей оказался, так или иначе, в средоточии выработки задач общенационального значения. Проблема форсированной эскалации противостояния с внешним врагом и стремительное приближение к социальной бифуркации в привычной для него аристократической среде, вероятно, нашли определенное отражение в сознании «двенадцатилетнего» Аслангирея, в это время, как выше отмечено, «дравшегося с русскими возле своего отца». Однако, не менее очевидно, что и о «взрослом» восприятии драматизма наблюдавшихся пертурбаций говорить было бы натяжкой. По-видимому, возраст диктовал свои приоритеты: в этот период аристократическая молодежь увлекалась «руководителями крупных шаек, которые появлялись на больших дорогах» – Хатокшоко Таусултаном и Касай Исмаилом. Как отмечается в российском источнике «Пример их пагубно влиял на молодежь, склонную и без того к наезднической

жизни, воспеваемой их старыми бардами» [Потто 1904: 33]. Принимая в расчет, что и Эдиг – старший родной брат Аслангирея не отставал от первых наездников Кабарды, несложно представить в какую сторону были обращены юношеские устремления. Однако через считанные дни они были, возможно, чувствительно поколеблены.

Один из крупных российских отрядов, оперировавших в центральной Кабарде, в начале апреля двинулся к поселениям на реке Нальчик и занял села «Шаупцова» (ЩауэпцІей) и «Кондорова» (Къандурей). «Недалеко отсюда в ауле князя Касбулата Канчукова (Кильчуко, Къесынхъэблэ – Т.А.) происходило общее народное собрание кабардинцев. Коцарев 4-го апреля внезапно двинулся к месту этого сборища, которое едва успело разсеяться, но аул... был занят и истреблен после горячей перестрелки». Касаясь результатов этого столкновения В. Потто отмечал, что «кабардинцы потеряли при этом только 15 человек, но в том числе находились: ...и оба сына [Бесланок Асланбека], Тембот (?) и Эдыг, – последний смертельно» [Потто 1904: 50]. Нет никаких свидетельств того как эта потеря отразилась на подростке. Но можно предположить, что вкупе с потрясениями, постигшими тогда жителей Кабарды: растянувшейся до зимы чередой кровопролитных сражений, жестокими испытаниями, выпавшими на долю массы обездоленных людей в «запертом» пяточке между горами и рассекавшими по равнине неприятельскими отрядами, самим ходом эвакуации, когда преследовавшие переселенцев российские войска «могли видеть спасающиеся семейства кабардинцев и угоняемые стада» [Потто 1994: 373] не могли не отразиться на представлениях юноши. Очевидно, что подобные впечатления могли только ускорить окончательное закрепление в сознании вступившего в пору взросления молодого человека оппозиции «друг-враг» в соотношении с данной в ощущениях реальностью. Однако первые уроки прагматики политического поведения он мог почерпнуть из образа действий его отца в крайне напряженных обстоятельствах, сопутствовавших переселению и последующему следованию хаджретской Альтернативе. Имеются основания полагать, что эвакуация клана Бесланок на кубанское левобережье прошла не совсем благополучно. Это касается как перевода «вотчины» в целостности на новую локацию, так и ее транспортной досягаемости со стороны Линии. Этими обстоятельствами можно объяснить то, что вскоре после переселения отец Аслангирея входил в определенные отношения с имперским командованием. Перезимовав «с семейством и подвластными своими в карачаевских владениях» в середине апреля 1823 г. Бесланок Асланбек стал, судя по контексту сообщения, если не с разрешения, то с ведома российского командования, «поселятся со своими кабардинцами между речек Зеленчуков и Урупа» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 27. Л. 96]. О том, что он перешел от радикального противодействия к тактике лавирования может свидетельствовать и его позиция, артикулированная в условиях прорыва черкесской конницей Болотоко Джамбулата имперской Линии, увенчавшегося разгромом станицы Круглолесской. Видимо, с целью зондирования намерений Бесланок, за несколько дней до атаки к нему был направлен нарочный. 11 мая 1823 г. до командующего Линией было доведено, что посыльный «слышал от владельца [Бесланок Асланбека], что все нагайцы и кабардинцы поселившиеся на речках Зеленчуках согласясь не пропускать означенное хищническое собрание к границам нашим чрез свои селения послали нарочитых (нарочных. – Т.А.) объявить им, дабы они проходить чрез жилища их не осмеливались, а в противном случае они непременно употребят против их оружие со стороны России» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 27. Л. 96]. Эти сведения можно интерпретировать по-разному; и как попытку дезинформировать обеспокоенного сбором черкесских сил командования на Линии, либо же, как тайный сговор с ним, и, соответственно, проявление ренегатства в отношении своих соотечественников. Принимая во внимание долготлетние предпочтения князя и неизменный авторитет, которым он не переставал

пользовался последнее маловероятно. Ближе к истине будет некая промежуточная версия, обоснование которой потребует дополнительной верификации. Такая процедура в контексте задач настоящего текста была бы избыточной. Здесь лишь следует обратить внимание на то, что в 1823/25 гг. террор в отношении раздражавших своей непреклонностью и влиятельностью на кубанском левобережье кабардинских хаджретов стал *idea fix* для высших чинов российской армии в регионе. В этих условиях попытки если не умиротворения, то, по крайней мере, поиск возможностей для нахождения ситуативного *modus vivendi* с источником экзистенциальной угрозы становился насущной необходимостью актуальной политики. И, видимо, Бесланко Асланбек, в самый сложный, первый период после переселения с этой задачей справился. Не вдаваясь в драматичные пертурбации, в эпицентре которых не единожды в этот период оказывался князь, отметим лишь, что своих отпрысков он не особо ограждал от рисков вовлечения в политические перипетии. Несмотря на разного рода тактические маневры Бесланко изобличался в том, что «по большим связям с закубанцами и даже с анапским пашею, никогда не возвратится в [центральную] Кабарду» [Потто 1904: 189] и имея «намерение увлечь за Кубань кабардинцев» поручал такую нетривиальную задачу своим сыновьям. Так, источник сообщает, что на излете предельно напряженной военной кампании 1824 г. «Дознано было, что многия знатнейшия кабардинския фамилии: [Кундет, Тамби(й)] и другия имели сношение с сыновьями и племянниками [Бесланко Асланбека], приезжавшими в [центральную] Кабарду для разбоев» [Потто 1904: 189].

Об этом факте было доведено до генерал-майора Вельяминова. Адресуясь в «Кабардинский временный суд» последний выражал недовольство действиями и суда, и поведением тлекотлешей Тамби(й) и Кундет, имевших сношения с «изменником» Бесланко Асланбеком. Отдельный укор касался того, что «встретив хищническую партию подлых кабардинских беглецов» по ним не был открыт огонь [Грабовский 2008: 156]. Не вдаваясь во всю канву генеральских «обличений» стоит обратить внимание на один мотив, вызвавший резкую отповедь военачальника. Связан он с тем, что Кундет Хатокшуко виделся с сыном Бесланко Асланбека «тайно». «Суд оправдывает его в сем поступке молодостью лет, – пишет в связи с этим генерал, и продолжает – Может быть, в летах совершенных и с рассудком более зрелым он сего не сделал бы. Но если молодость [Хатокшуко] сколько-нибудь его оправдывает, то весьма многих сильно обвиняет. [Хатокшуко], будучи еще детских лет, конечно, не имел бы понятия о тайных свиданиях, если бы примеры старших его тому не научили» [Грабовский 2008: 156–157]. Принимая во внимание возрастные особенности фигурантов диатрибы Вельяминова несложно предположить, что контрагентом молодого Кундета был Бесланко Аслангирей.

В контексте столь деятельного участия клана Бесланко в разворачивавшихся событиях, не будет преувеличением полагать, что и в последовавшем чрезвычайно напряженном году, его члены были далеко не пассивны. Однако ограниченность источников на данном этапе не позволяет предметно рассуждать об участии братьев Пшемахо, Аслангирея и их отца Асланбека в российско-черкесской кампании 1825 г. Лишь спустя несколько лет, уже в контексте российско-османской войны появляются сведения, в которых с высокой долей вероятности упомянут Бесланко Аслангирей. Речь идет о черкесских потерях при разгроме Незлобной в июне 1828 г. В.А. Потто, в частности, писал, что за разорение этой станицы неприятель заплатил своими лучшими наездниками: «Здесь были убиты кабардинские князья: Султан-Аслан-Гирей, Аслан Росламбек и Дженгот Аша; тяжело ранен Гаджи-Мурзабек-Хамурзин и другие» [Потто 1994: 302]. Показательно, что и Жанхот Аша и Хамурза Мурзабек являлись представителями довольно разросшейся к этому времени княжеской фамилии Кайтуко. Клан Бесланко также является ответвлением этого рода. Это обстоятельство повышает вероятность того, что и

первые два фигуранта сообщения приходится им родственниками. Не вдаваясь в перечисление и других доводов, отметим только, что среди кабардинских князей этого времени не было другого Аслангирея кроме Бесланого. Утверждение же о фатальном для «Султан-Аслан-Гирея» исходе сражения объясняется банальной ошибкой лазутчиков доставивших подобную информацию. Российское командование нередко получало недостоверные сведения подобного рода. К примеру, хаджретский наездник Шоген Жирандуко, был признан погибшим еще в 1837 г. [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 33. Л. 3]. Однако, как известно, он еще на протяжении более чем двух десятилетий находился на переднем крае борьбы с имперскими силами. Косвенным подтверждением того, что клан Бесланого был вовлечен в военные перипетии периода российско-османской войны, и его члены оправдали реноме последовательных противников имперского продвижения стало то, что именно Бесланого Асланбеку было доверено ведение очередных (с 1824 г.) переговоров с российским генералитетом в марте 1829 г. Дипломатическая миссия не увенчалась успехом. Граф Паскевич не признал возможным «входить в соглашения с какими-то беглыми кабардинцами» и в свою очередь выдвинул невыполнимые условия [Томкеев 1898: 135]. Как резюмировал исход этих контактов Потто, хаджреты «предпочли открытую вражду с нами» [АКАК. Т.VIII. 1881. С. 339]. Однако последовавшая спустя несколько месяцев радикальная смена международно-правового режима привнесла свои коррективы в региональную политическую динамику. Вероятно, после подписания Адрианопольского трактата в сентябре 1829 г. Бесланого Асланбек, в очередной раз, договорившись с российским командованием, поселился со своими шестью селами на Урупе. В военном противостоянии на некоторое время наступило относительное затишье. Однако вскоре имперское командование взяло инициативу в свои руки. Фельдмаршал Паскевич следующим образом охарактеризовал российскую политику: «До того времени, имея войны с Персией и Турцией, мы не делали никаких предприятий против горцев и снисходительная политика сия удалась нам в полной мере, ибо горцы во все то время оставались спокойными. В истекшем 1830 г. мы переменили образ действий наших и атаковали их во многих пунктах; сие заставило их понять настоящие намерения наши и с своей стороны вооружиться почти повсеместно» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 47].

И все же, к концу 1830 г. одни из главных носителей военного потенциала Западной Черкесии – абадзехи и натухайцы воздерживались от открытой войны с Россией. К исходу ноября уже и наиболее авторитетный кяхский военный лидер – Болотоко Джамбулат относился к присягнувшим «на верноподданство России». В это время российскому правительству присягали также князья черченейского и жанеевского владений [АКАК. Т.VII. 1878. С. 898–899]. На этом фоне геополитическое положение хаджретской Кабарды серьезно осложнилось. По сути, она в этот период составила второй, наряду с Шапсугией, очаг сопротивления на кубанском левобережье. При этом и та часть закубанских кабардинцев (локализованная в бассейне р. Уруп), которая находилась в положении «замирившейся» с российским командованием общности, проводила политику латентной поддержки военных акций остальных хаджретов. Об этом свидетельствует участие находившегося «под поручительством», а фактически перешедшего под сюзеренитет князей Бесланого талостанеевского уорка Боташ Магометмирзы в рейде на Ерсаконское укрепление 15 ноября 1830 г. [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 50–55]. Такое заключение вытекает и из образа действий сына старшего князя «урупских» кабардинцев – Бесланого Аслангирея во время преследования русскими войсками отступавших черкесов. Тогда, предводительствуя отрядом из двадцати кабардинских уорков, он подошел к месту боя. Однако, по раздраженным отзывам русских офицеров, князь Аслангирей «отказался содействовать поражению партии черкесов и оставался простым зрителем» [Томкеев 1899: 191].

В связи с этим представляются любопытными позиция и характер действий, которые демонстрировал в рассматриваемый период Аслангирей. В документе, датированном январем 1831 г., зафиксированы четыре случая его участия в рейдах на Линию и нападениях на солдат и казаков [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 50–55]. В них он принимал участие, будучи жителем (и владельцем) одного из шести сел, принадлежавших его отцу – Асланбеку. По-видимому, статус «замирившегося» князя диктовал ему необходимость проявлять особую скрытность при участии в набегах, дабы не навлечь удара на вотчину своего отца. Косвенным свидетельством того, что почти до конца 1830 г. ему удавалось оставаться незамеченным российским командованием на Линии, была его «нейтральность» в бою 15-го ноября. Только уверенность в том, что в Прочном Окопе не знают о его «подпольной» деятельности и стремление отвести угрозу от родовых аулов удержало князя Аслангирея от присоединения к хаджретам 15-го ноября 1830 года. Ногайцы и казаки не могли не заметить, что «нейтральность» Аслангирея носила выраженный враждебный характер и в источнике, он, и его сподвижники именуется как «лица, явно сочувствовавшие тогда хищникам...» [Томкеев 1899: 219].

В целом, в 1830 г. действия хаджретов против Линии носили систематический характер и имели весьма большой территориальный охват. Об этом свидетельствует «именной список закубанских владельцев и узденей участвовавших в разных злодеяниях». Не вдаваясь в перечисление всех зафиксированных в нем нападений, и их участников приведем лишь те из них, в которых принимал участие герой настоящего очерка. Так, здесь отмечается, что князь Аслангирей и Кайтуко Тембот предводительствовали при одном из нападений на Бабуковскую станицу. В списке упоминается, что жертвой его отряда стала семья «хоперскаго казачьего полка майора Соколова». Под его водительством примерно в это время был атакован «форштат» Темнолесской крепости, где было взято 4 солдата и 10 лошадей. Командование обладало сведениями, что князь отместился и при пленении пятерых казаков в Георгиевском укреплении. Спустя некоторое время объектом атаки со стороны отряда, участником которого был Аслангирей, стала находившаяся в сотне километров отсюда Боргустанская станица. Отгон всего ее табуна, несомненно, был болезненным ударом для казаков, лишившихся этим возможности полноценного исполнения боевых задач в борьбе с высокоомобильными хаджретами. Практически в каждом из этих акций князя сопровождали уорки Кундет Умаркой, Жанситуко Увжуко и Маргуш Умар [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 50–55].

Как выше отмечалось, вышеуказанные события происходили до конца января 1831 г. Примечательно, что составление этого документа совпало с инициированием Бесланко Асланбеком (вместе с Касай Исмаилом) еще одного дипломатического шага. В своем послании к Емануелю «в качестве необходимого условия своего замирения и поселения в одном районе они выставили возвращение беглых холопов» [Хотко 2015: 11]. Однако, российское командование к этому времени не намеревалось идти на какую-либо уступку. В контексте такой активности хаджретов и бескомпромиссной позиции российского командования имеет смысл обратиться к военной мощи сосредоточенной российской стороной на востоке кубанского бассейна. Согласно источникам, к апрелю 1831 г. она располагала более 15 батальонами пехоты и 54 сотнями с 216 орудиями полевой и гарнизонной артиллерии (около 16 тысяч человек) [Томкеев 1899: 203]. Такие ресурсы подкрепляли уверенность военачальников в возможности не только купировать все угрозы, исходящие из-за Кубани, но и проводить наступательные операции южнее этой водной преграды. Так, вслед за ноябрьским боем последовало распоряжение И.Ф. Паскевича генералу Емануелю о «наказании бесленеевцев..., а также кабардинских аулов расположенных на верховьях р. Бол. Тегинь (Большая Тегинь. – Т.А.), не оказавших нам поддержки...» Наряду с захватом ногайских князей Карамурзиных планировалось, что восьмисотенный отряд с 2 орудиями должен будет

арестовать уже «изобличенного» князя Аслангирея «и старшин кабардинских аулов, силою переселить всех жителей с семействами в Ставрополь, и держать их под крепким караулом до мая месяца» [Томкеев 1899: 192].

К середине февраля 1831 г. в районе станицы Беломечетской был сосредоточен отряд, состоявший из 816 штыков и сабель с четырьмя орудиями. Под начальством генерал-майора Ралля он должен был совершить экспедицию к рекам Большая и Малая Тегинь и «наказать мирные кабардинские аулы за неокказание нам (российским войскам. – Т.А.) содействия в деле 15-го ноября 1830 года» [Томкеев 1899: 219]. Проводником отряда выступил, как это не выглядит странно, князь Бесланок Аслангирей. Тем самым он поставил себя в довольно двусмысленное положение. С одной стороны, князь, понимая, что после событий 15 ноября находится под подозрением у российских военных властей, решает на появление в расположении царских войск, которые должны действовать в частности и против аулов его отца. С другой – командование на Линии, обладая сведениями об участии князя в антиросийских акциях (по крайней мере, с 31 января 1831 г.), не арестовывает его. По всей видимости, было признано более целесообразным, использовать князя как проводника и тем самым скомпрометировать участием в античеркесской акции, внося раскол в единство хаджретов. В сущности, Аслангирей ходил тогда «по острию лезвия», рискуя поплатиться жизнью за малейшую ошибку. Из этой щекотливой ситуации кабардинский князь вышел весьма достойно. В источнике отмечается, что он с одним из своих урков, «желая спасти от погрома аулы Росланбека Бересланова (Бесланок Асланбека – отца Аслангирея. – Т.А.)... убедили Ралля, что при весьма значительном населении, обитавшем на этих реках, и трудности найти в нем виновные аулы, могут пострадать совершенно невинные и вполне преданные нам (российским властям. – Т.А.) жители». Поэтому, якобы генерал, не признал возможным продолжать дальнейшее наступление, 14 февраля повернул назад и, по прибытии к Беломечетской, распустил отряд» [Томкеев 1899: 219]. Можно не подчеркивать, что предложенная мотивировка отмены операции, в контексте устоявшихся практик осуществления «репрессалий», по меньшей мере, выглядит небезупречной. Также удивительно, что генерал в качестве убедительного довода предъявил аргументацию Аслангирея, в чьей лояльности на Линии сомневались вполне обоснованно. Можно полагать, что некоторые нюансы этого сюжета так и остаются не проявленными. Определенно можно говорить лишь о том, что согласно источнику, именно Бесланок Аслангирею принадлежит заслуга отвода угрозы разорения, нависшей над хаджретскими аулами, расположенными на Тегинях.

В марте 1831 г. хаджреты и абазины, проживавшие по рекам Уруп, Большая и Малая Тегини, воспользовавшись «отсрочкой», которой добился в феврале Аслангирей, эвакуировались в более отдаленные горные районы и в Абадзехию. Князь с его урками были примером в этом деле: под прикрытием караулов и извещательных постов за ними последовали и бесленевцы, а также отец Аслангирея – Бесланок Асланбек.

Вывод населения из зоны досягаемости российских войск позволял хаджретам теперь уже в союзе с абадзехами и шапсугами использовать тактику активной обороны. Их небольшие отряды численностью от нескольких десятков до нескольких сотен человек в это время непрерывно перемещались в междуречье Лабы и Урупа, заставляя русские войска пребывать в постоянном напряжении.

В целях пресечения активности черкесов в междуречье Лабы и Урупа, а также, реализации давно намеченного плана по наказанию лиц, не оказавших российским войскам содействия 15 ноября 1830 г., на Линии были собраны два сильных отряда. Первый из них, состоявший из 400 человек пехоты и 400 казаков, с четырьмя конными орудиями, во главе с Раллем в ночь на 21 марта выступил из Прочного Окопа по направлению к укреплению Каладжинскому. Оттуда он должен был

продвинуться берегом Лабы к верховьям р. Уруп, где находились аулы Бесланко Асланбека, с целью преградить им путь к отступлению на запад к абадзехам. С другим отрядом из 400 человек пехоты, 450 казаков с 4-мя конными орудиями командующий центра Линии генерал Фролов в ночь на 23 марта переправился через Кубань у станицы Беломечетской. Он двигался к хаджретским аулам на р. Уруп с северо-востока. Когда в окруженные аулы вошли войска, они оказались пустыми. После того как шесть кабардинских аулов Бесланко Асланбека были сожжены, войска вернулись назад» [Томкеев 1899: 223].

С апреля 1831 г. напряжение на всей линии российско-черкесского противостояния нарастало. В это время черкесы еще не приступили к координированным масштабным военным действиям, однако с низовьев Кубани до бассейна Урупа они демонстрировали редкое единодушие в стремлении остановить российское наступление. Новые укрепления на реках Шибш и Афипс подвергались постоянным нападениям, до 2000 абадзехов находились на р. Шхагуаша, около 4000 абадзехов и шапсугов сосредоточились на р. Псефирь «и до 2000 горцев стояло вблизи тех же пунктов; бесленевские и особенно кабардинские князья... в свою очередь собирали более или менее значительные партии, которые группировались на верховьях Урупа, Б. и М. Тегиней»» [Томкеев 1899: 224]. Таким образом, хаджреты продолжали активные действия в районе междуречья Лабы и Урупа.

В «многолюдном собрании» из 6000–7000 человек на р. Шхагуаша (есть другие сведения, что оно проходило по р. Пшеха, однако ввиду того, что последняя является притоком первой говорить о противоречии не приходится) у аула Аджи-Гляша, где черкесы пытались выработать план совместных действий, самое активное участие принимали хаджреты. В частности, там выступал кабардинский князь Тума Тембот [Панеш 2006: 48]. В первой декаде мая к собранию присоединился князь Занок Сефербий, упорно настаивавший на необходимости «склонить всех горских владельцев к спокойствию и союзу с Россией» [Голицын 2004]. Несмотря на марциальную риторику звучащую, на чуть-ли не ежедневных прениях самым желательным исходом инициативы абадзехов и кабардинцев (настойчиво вовлекавших в нее бесленевцев, кемиргоевцев и др.) было достижение соглашения с Россией. К началу третьей декады мая черкесское собрание на Шхагуаше сформулировало свои предложения. «Оно требовало отголь письменно, чтобы крепости, построенные нами в их владениях, были уничтожены и река Кубань служила нам границей, обещаясь тогда принять присягу на верноподданство Государю Императору и пребыть мирными жителями на своей стороне, а для переговоров они просили чиновника» сообщал российский контрагент [Голицын 2004]. Он же и отклонил эти предложения. Такая реакция российской стороны ослабила голос Занок Сефербия (к которому присоединился и Болотоко Джамбулат) так как за две недели до этого было принято решение, что «в случае, если мы (россияне. – Т.А.) отвергнем условия, на коих они желают завести мирные сношения, они объявят нам вечную вражду...» [Голицын 2004]. Поэтому в начале июня Бесланко Асланбек «дал собранию присягу и избран его предводителем» [Голицын 2004]. Но продемонстрированная собранием медлительность в выработке решений, позволило российскому командованию подготовиться к возможному черкесскому прорыву. Как сообщается в источнике «в критический момент, когда решалось приступать к нападению или нет, в собрание явились беглые кабардинские князья [Науруз Мисост] и два брата [Хатокшоко], которые сообщили о строгих мерах обороны, принятых на границе, и хотя им удалось проникнуть за Кубань, но они вынуждены были вернуться назад без всякого успеха» [Томкеев 1899: 227]. К тому же избавиться от довлевшего над собранием бремени «большого несогласия» «между самыми почетными людьми, имеющими влияние на народ» [Хотко 2015: 29] так и не получилось. Поэтому «пристав закубанских народов» майор Синанов вскоре торжествующе докладывал Емануелю, что «Бывшие абадзехские собрания,

угрожавшие вторжением в наши границы на злодеяние, как по дознаниям моим уничтожилось по пронырству наших верных лазутчиков приглашенных и облаканных мною, которые происками своими удерживали их быстрое следование...» [Хотко 2015: 37]. Однако, отказ от удара по Линии был, скорее всего predetermined начавшейся концентрацией крупной группировки российских войск в тылу черкесов, в направлении Майкопа [Голицын 2004; Хотко 2015: 29].

Подобный финал, вызвавшего столь заметное беспокойство на Линии собрания, демонстрирует безуспешность как военной, так и дипломатической интенций его зачинателей. Более или менее заметным результатом предпринятых тогда действий стало только то, что немногочисленному отряду хаджетов удалось пробраться в центр Кабарды. В начале июня до командующего войсками центра Кавказской линии было доведено, что «в ущелье Чегемском видели хищническую партию до 200 человек, которая уговаривает уже кабардинцев к побегу» [Хотко 2015: 29]. Закубанские кабардинцы, появившиеся на оккупированных территориях, состояли из двух «хищнических партий». Во главе первой стояли братья Бесланок: Аслангирей и Пшемахо. Вторая находилась под водительством Хатокшоко Магомета и Докшуко Бекмурзы [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 131. Л. 3]. Очевидно, что разделение хаджетов на два отряда было обусловлено кроме военных, еще и соображениями по вовлечению кабардинцев в переселение за Кубань. С учетом основной цели этих отрядов, которая заключалась в инициировании очередной акции по переселению населения из центра Кабарды на подконтрольную хаджетам территорию, мотив подобного решения становится вполне прозрачным – «охватить», возможно, большее географическое пространство. В пользу такого предположения говорит распоряжение начальника третьей дистанции центра Линии генерал-майора Горихвостова о необходимости «присмотреть за неблагонамеренными, которые имел сношения с сказанными хищниками, может быть вознамерились бежать» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 131. Л. 3]. Кроме этого были предприняты и другие меры, направленные на купирование хаджетской угрозы. И в целом, следует признать, что ни отряду братьев Бесланок, ни всадникам под водительством Хатокшоко Магомета не удалось решить поставленных задач. Однако их продвижение в сердцевину *Тхуацц* имело важное символическое и психологическое значение по поддержанию духа независимости. Ведь не случайно проезжавший в это время через Кабарду Григол Орбелиани отмечал, что «Кабардинцы – свободолюбивый народ, в течение стольких лет воюющий с русскими, которые потеснили, унизили и захватили всю Кабарду (за исключением ее закубанских территорий. – Т.А.). Но они не сумели искоренить у них любовь к свободе. Кабардинцы бодры и всегда готовы к бою, вечно ищут случая, чтобы извлечь землю свою от русских» [Орбелиани 1974: 230]. Сохранение выраженного неприятия по отношению к оккупационным властям со стороны оставшегося в *major patria* населения подкрепляло решимость хаджетов продолжать попытки к его вовлечению в переселенческий процесс на кубанское левобережье.

Весной следующего года Бесланок Асланбек прозондировал ситуацию на предмет возможности возобновления масштабного переселения [Хотко 2015: 46]. Несмотря на не самый благоприятный отклик со стороны некоторых кабардинцев активность в этом направлении вскоре была возобновлена. Так, в своем рапорте от 4 июля 1832 г., командующий Баталпашинским участком подполковник Лисаневич предостерегал командующего Кабардинской линии генерал-майора Горихвостова о сборе хаджетов за Кубанью. Согласно полученным сведениям речь шла о «хищническом сборище» состоявшим из «беглых кабардинцев и части махошевцев в числе 200 человек и более» [Документы... 2011: 25]. Среди его действующих лиц в документе перечислены князя Бесланок Аслангирей, Аджжеруюко Биберд, Тума Тембот, Хатокшоко Хатокшуко и Магомет, а также Кайтуко Тембот. В нем отмечалось, что партия «третьего дня с реки Лабы прибыла на Большие

Тегени и 3-го июля должна быть на Урупе, с намерением ворваться в наши границы для злодеяния или отправиться в Большую Кабарду для переселения из оной кабардинцев за Кубань» [Документы... 2011: 25]. «Но под чьим предводительством и в каком именно месте переправляться – того неизвестно», – продолжил автор текста. Выказанная российским офицером неуверенность относительно главного протагониста черкесской инициативы довольно неожиданна в свете того, что им же ниже отмечено, что «Исправляющий должность главного закубанских народов пристава поручик Венеровский, прибыв сегодня, объявил мне лично, что находящийся в [центральной] Кабарде князь [Хатокшоко Мисост] просил [Бесланого Аслангирея] письмом для переселения его с аулом за Кубань прибыть с собранием в [центральную] Кабарду, если же сие невозможно, то по крайней мере его одного с семейством. Письмо доставлено [Бесланого] князем [Мисост Алхасом]...» [Документы... 2011: 26]. Как оказалось, в письме содержалось «приглашение от Мисауста, дабы [Бесланого Асланбек], собрав партию прибыл в [центральную] Кабарду для вспомоществования ему к бегству с подвластными за Кубань и что он находится во всеготовности к побегу» [Документы... 2011: 26]. Для подступавшего к столетнему возрасту князя Асланбека напряжения, связанные с военным походом, видимо, уже были не под силу (последние упоминания его имени в источниках относятся, как раз к сюжетам 1832 г.). Поэтому отправил он в поход сына. Но перед этим, стремясь нарастить мощь и привлечь сильного союзника, обратился к одному из самых могущественных хаджретских князей Касай Исмаилу с предложением присоединиться к предприятию. Но последний, видимо, уже пребывая в процессе «замирения» с русскими, не принял предложения [Документы... 2011: 26]. (В ведомости «мирным закубанским князьям» 1837 г. про Касай Исмаила сказано, что он «покорился добровольно в командование Вельяминова в 1832 г. и присягал в 1833 г.») [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 38. Л. 26.]. Все же хаджретам удалось существенно усилить свой отряд, доведя его численность до семисот всадников [Бейтуганов 2007: 273]. Его успешное проникновение в центр Кабарды (сопровождавшееся боестолкновениями [Бейтуганов 2007: 273], масштаб которых пока неясен) взбудоражило население. Представители аристократии (князя Джамбот Алхас, Науруз Хатокшуко и Хатокшоко Магомет, а также ряд тлекотлешей и диженуго) выдвинулись к лагерю хаджретов «в вершине Чегема и Нальчика» и «прибыв туда присягнули пред Алкораном, что они рано или поздно, но при первом удобном случае непременно уйдут за Кубань с семействами» [Хотко 2015: 47]. Такая формулировка присяги проистекала из обнаружившейся на тот момент невозможности безопасной транспортировки желающих переселиться. Российское командование действовало эффективно [Хотко 2015: 47]. Поэтому «цель вторжения дерзновенной партии» по организации очередной волны переселения осталась недостигнутой. Как итог: в двадцатых числах июля хаджретский отряд возвратился в закубанскую Черкесию [Хотко 2015: 47]. Со времени массовой эвакуации 1822 г. это была, по меньшей мере, третья попытка со стороны хаджретов придать мощный импульс возобновлению переселенческого движения кабардинцев. Но она не дала ожидаемых результатов. Наиболее последовательный сторонник данной стратегии – Бесланого Асланбек после этой неудачи вновь замирился с российским командованием, а вскоре и умер. От этой вехи уместно вести отсчет нового этапа биографии Бесланого Аслангирея.

Список источников

- АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии.
Бейтуганов 2007 – Бейтуганов С.Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 783 с.

Голицын 2004 – *Голицын Н.Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануеля. М.: Рекламно-издательский центр «Собрание», 2004 // DrevLit. Ru – библиотека древних рукописей. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/Emmanuel/pred.php> (дата обращения: 07.11.2023).

Грабовский 2008 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. Нальчик, 2008. 463 с.

Документы... 2011 – Документы по истории адыгов 20–50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. 201 с.

Кармов 2017 – *Кармов Р.К.* Трансформация общественно-политического устройства народов Центрального и Западного Кавказа в источниках. 1732–1892 // «Быт, личности, история Кавказа в источниках». Вып. 6 / сост. Р.К. Кармов. Нальчик: Принт Центр, 2017. 204 с.

Орбелиани 1974 – *Орбелиани Г.* Путешествие мое из Тифлиса до Петербурга // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. I. С. 234–239.

Панеш 2006 – *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006. 125 с.

Потто 1904 – *Потто В.А.* Утверждение русскаго владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1904. 590 с.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война. Т. II. Ставрополь: «Кавказский край», 1994. 686 с.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война. Т. V. Ставрополь: «Кавказский край», 1994. 396 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Томкеев 1898 – *Томкеев В.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Т. XIX. Тифлис, 1898. С. 124–156.

Томкеев 1899 – *Томкеев В.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля (окончание). // Кавказский сборник. Т. XX. Тифлис. 1899. С. 189–227.

Торнау 1999 – *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: «Эль-фа», 1999. 507 с.

Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопротивлении в 30-е годы XIX века // Архивы и общество. № 35. Нальчик, 2015. С. 8–55.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики.

References

АКАК – *Akty Kavkazskoj arheograficheskoy komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. (In Russian)

BEJTUGANOV S.N. *Kabarda: istoriya i familii*. [Kabarda: history and surnames]. Nal'chik: El'brus, 2007. 783 p. (In Russian)

GOLICYN N.B. *Zhizneopisanie generala ot kavalerii Emmanuelya*. IN: M.: Reklamno-izdatel'skij centr «Sobranie», 2004 // DrevLit. Ru – biblioteka drevnih rukopisej. [Elektronnyj resurs] [Biography of the cavalry general Emmanuel] // URL:<http://www.drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/Emmanuel/pred.php> (data obrashcheniya: 07.12.2023). (In Russian)

GRABOVSKIJ N.F. *Prisoedinenie Kabardy k Rossii i ee bor'ba za nezavisimost'* [The annexation of Kabarda to Russia and its struggle for independence]. Nal'chik, 2008. 463 p. (In Russian)

Dokumenty po istorii adygov 20–50-h godov XIX v. (po materialam CGA KBR) / Sost. Z.M. Kesheva [Documents on the history of the Circassians of the 20s–50s of the 19th century (based on materials from the Central State Administration of the KBR)]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2011. 201 p. (In Russian)

KARMOV R.K. *Transformaciya obshchestvenno-politicheskogo ustrojstva narodov Central'nogo i Zapadnogo Kavkaza v istochnikah. 1732–1892* [Transformation of the socio-political structure of the peoples of the Central and Western Caucasus in the sources. 1732–1892] IN: «Byt, lichnosti, istoriya Kavkaza v istochnikah». Vyp. 6 / sost. R.K. Karmov. Nal'chik: Print Centr, 2017. 204 p. (In Russian)

ORBELIANI G. *Puteshestvie moe iz Tiflisa do Peterburga* [My journey from Tiflis to St. Petersburg]. IN: Arheologo-etnograficheskij sbornik. Nal'chik, 1974. Vyp. I. P. 234 – 239. (In Russian)

PANESH A.D. *Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.)* [Muridism and the struggle of the Circassians of the North-West Caucasus for independence (1829–1864)]. Majkop, 2006. 125 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Utvzrzhdenie russkago vladychestva na Kavkaze* [Establishment of Russian rule in the Caucasus]. Т. III. Ch. 2. Tiflis, 1904. 590 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya vojna* [Caucasian War]. Т. II. Stavropol': «Kavkazskij kraj», 1994. 686 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya vojna* [Caucasian War]. Т. V. Stavropol': «Kavkazskij kraj», 1994. 396 p. (In Russian)

RGVIA – *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive]. (In Russian)

TOMKEEV V. *Kavkazskaya liniya pod upravleniem generala Emanuelya* [Caucasian Line under General Emmanuel]. IN: *Kavkazskij sbornik*. Т. XIX. Tiflis, 1898. P. 124–156. (In Russian)

TOMKEEV V. *Kavkazskaya liniya pod upravleniem generala Emanuelya (okonchanie)* [Caucasian Line under General Manuel (end)]. IN: *Kavkazskij sbornik*. Т. XX. Tiflis, 1899. P. 189–227. (In Russian)

TORNAU F.F. *Sekretnaya missiya v Cherkessiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau* [Secret mission to Circassia of the Russian intelligence officer Baron F.F. Tornau]. Nal'chik: «El'-fa», 1999. 507 p. (In Russian)

HOTKO S.H. *Iz istorii uchastiya kabardincev v obshchecherkesskom soprotivlenii v 30-e gody XIX veka* [From the history of the participation of Kabardians in the all-Circassian resistance in the 30s of the 19th century]. IN: *Arhivy i obshchestvo*. № 35. Nal'chik, 2015. P. 8–55. (In Russian)

CGA KBR – *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 17.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 17.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.